

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 67–71
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 67–71

Научная статья
УДК 94 (6)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-67-71>

Свой среди чужих, чужие среди своих: войска аскарари, Амедео Гийе и становление современного эритрейского самосознания в контексте итальянского колониализма конца XIX – первой половины XX века

Д. В. Кочетов

Институт Африки РАН, Россия, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1

Кочетов Дмитрий Викторович, соискатель, dimasceler@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7885-4987>

Аннотация. Внимание автора настоящей статьи сконцентрировано на необыкновенном по меркам Африки уважении в Эритрее к солдатам итальянских колониальных войск, аскарари и даже к некоторым итальянским офицерам, в частности к Амедео Гийе. Цель работы – установить причину этого уважения, которого не было в другой бывшей итальянской колонии – Ливии. Изучив материалы о численности и боевом пути аскарари, колониальных Ливии, Эритрее, политике Италии в ней, автор пришел к выводу о том, что итальянский колониализм «с чистого листа» сформировал в Эритрее антиэфиопское самосознание. Оно выразилось в аскарари, сыгравших важную роль в начавшейся в 1961 г. войне за независимость от Эфиопии. Его корни уходят в 1896 г., когда после битвы при Адва эфиопы изувечили эритрейских пленных.

Ключевые слова: Эритрея, Эфиопия, Италия, аскарари, колониализм, битва при Адва, Амедео Гийе

Для цитирования: Кочетов Д. В. Свой среди чужих, чужие среди своих: войска аскарари, Амедео Гийе и становление современного эритрейского самосознания в контексте итальянского колониализма конца XIX – первой половины XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 67–71. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-67-71>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-67-71>

A friend among foes, a foe among friends: Ascari, Amedeo Guillet and the formation of Eritrean identity in the context of Italian colonialism in the late nineteenth and the first half of the twentieth centuries

Dmitriy V. Kochetov, dimasceler@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7885-4987>

The Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, 30/1 Spiridonovka St., Moscow 123001, Russia

Abstract. The article draws attention to the extraordinary, by African standards, respect in Eritrea for the soldiers of the Italian colonial troops, the Ascari, and even for some of their Italian officers, such as Amedeo Guillet. The author reveals the reason for this respect, which was not present in another former Italian colony Libya. After studying the materials on the number and combat path of the Ascari, colonial Libya, Eritrea, and Italy's policy in it, the author came to the conclusion that Italian colonialism from a clean slate formed an anti-Ethiopian identity in Eritrea. It was expressed in the Ascari who played an important role in the war of independence from Ethiopia that began in 1961. Its roots go back to 1896 when Ethiopians mutilated Eritrean prisoners after the battle of Adwa.

Keywords: Eritrea, Ethiopia, Italy, Ascari, colonialism, battle of Adwa, Amedeo Guillet

For citation: Kochetov D. V. A friend among foes, a foe among friends: Ascari, Amedeo Guillet and the formation of Eritrean identity in the context of Italian colonialism in the late nineteenth and the first half of the twentieth centuries. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 67–71 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-67-71>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Колониализм оставил свой след в истории каждой африканской страны, даже если она, как Эфиопия, являлась колонией лишь с 1936 по 1941 г., но все равно была вынуждена сражаться с итальянцами во время двух итало-эфиопских

войн (1895–1896 и 1935–1936 гг.) и Второй мировой войны, не считая боев в 80-е гг. XIX в. при завоевании итальянцами Эритреи.

Вполне естественно, что после крушения колониализма людей, служивших колонизаторам,

еще и с оружием в руках, часто считали предателями. Ведь в большинстве случаев африканцы, многие из которых имели личные счеты к колониальным режимам, боролись за независимость от европейских государств. Те, кто не уплывал вместе с европейцами, нередко оказывались в опале, не говоря уже о том, что со многими из них могли расправиться, как это случилось после ухода французов со сражавшимися за них харки в Алжире¹. Соответственно, в таких странах никогда или почти никогда не могло быть и речи о чувствовании самих колонизаторов. С этой точки зрения особо выделяется Эритрея – восточно-африканская страна, в которой аскари, солдат колониальных войск, считают героями, а итальянского офицера Амедео Гийе чтут как одного из первых борцов за независимость страны. В настоящей статье предпринята попытка выделить особенности ее истории, повлиявшие на местное восприятие колониализма.

Эритрея как политическая единица до итальянской колонизации просто не существовала, как и многие другие колонии. Сам топоним «Эритрея» ввели в оборот итальянцы, назвав свою колонию по древнегреческому наименованию Красного моря (Erythrospondos). Например, Ливия, ранее колония той же страны, до завоевания итальянцами называлась Оттоманской Триполитанией, так как являлась провинцией Османской империи. «Ливией» же древние греки называли всю Северную Африку. Как и в случае с Эритреей, именно итальянцы вновь ввели в оборот этот топоним для обозначения своей колонии. И в том и в другом случае уже добившееся независимости государство сохранило колониальное название. Разница состоит в том, что в XX в. эритрейцы не устроили ни одного восстания против колонизаторов, во всяком случае, после 1900 г. невозможно назвать ни одного эритрейца, сравнимого по своей роли с Омаром ал-Мухтаром, возглавившим борьбу против итальянских захватчиков, народным героем ливийцев. Можно назвать только отряд Бахты Хагоса, но его разбили 19 декабря 1894 г., и предводитель погиб². После этого итальянцы воевали уже с эфиопами.

Однако, в отличие от Эритреи, население Ливии, во-первых, было однородно по вероисповеданию – почти все мусульмане; во-вторых, оно достаточно сходно по языку – большая часть говорила на арабском. То есть ливийцев объединяло очень многое и без колониальной администрации, поэтому можно сказать, что границы современной Ливии сложились при итальянском владычестве, но нельзя утверждать, что оно сформировало этот народ, многие представители которого сражались против колонизаторов на протяжении десятков лет.

В общей массе жителей Эритреи есть большая доля как христиан, так и мусульман. С точки зрения родного языка население этой страны еще разнообразнее. Когда в 1890 г. была официально основана Итальянская Эритрея, у африканцев,

оказавшихся в ее границах, впервые появилось что-то, объединяющее их политически. Это, как известно, не является уникальным в истории Африки, но стало залогом создания эритрейской общности «с чистого листа». Когда на африканском побережье Красного моря впервые появились итальянцы, к западу от него уже давно существовала Эфиопская империя, в которой наряду с другими жили те же народы, что и на побережье, в частности тигринья. Итальянцы быстро заметили, что жители новой колонии – очень боевитые и сплоченные³. Они создали из них корпус туземных войск, аскари («солдат» по-арабски), которые участвовали в итало-эфиопской войне 1895–1896 гг. Около 800 аскари попали в плен после разгрома итальянской армии в битве при Адуа 1 марта 1896 г. Эфиопы посчитали предательством участие тигринья в войне на стороне чужеземцев против соплеменников, поэтому пленным аскари отрубали кисть правой руки и левую стопу, после чего прогоняли на территорию, оставшуюся под контролем итальянцев, до которой добрались всего лишь 406 чел.⁴ Остальные пропали без вести, по всей видимости, скончавшись от полученных ран.

Вернувшись итальянцы назначили пожизненную пенсию в 1000 лир и вызвали из метрополии травматологов для протезирования изувеченных, насколько это было возможно в конце XIX в. После победы при Адуа эфиопский нгусэ-негэсти, «царь царей», Менелик II не пошел на побережье, чтобы попытаться сбросить итальянцев в Красное море, и в том же году заключил с Римом мир. Следствием этого стало то обстоятельство, что на следующие почти полвека Эритрея оставалась у итальянцев.

Конечно, итальянцы притесняли местных жителей, им не разрешалось заходить в кварталы, предназначенные для колонизаторов, запрещалось сожительство итальянцев и «подданных африканских колоний». Однако, как уже указывалось, в XX в. в этой колонии не было ни одного, по крайней мере, крупного партизанского движения. Данный факт объясняется рядом причин.

Во-первых, в Эритрее метрополия строила порты, железные дороги, города, поэтому она развивалась намного быстрее независимой соседки. Урбанизация, введение денежной экономики, небывалое в тех краях централизованное управление на одном, пусть и чужом языке, превращение батраков в работников с фиксированной зарплатой сводили на нет проявления старой феодальной зависимости. Это позволило Италии играть на том, что она не завоевала, а, наоборот, «освободила» местных жителей от угнетавших их старых пережитков. Угнетение со стороны самой Италии тогда становилось не столь заметным⁵.

Во-вторых, Италия в новой колонии учитывала любые местные культурные особенности с целью развития самосознания и окончательного отрыва от Эфиопской империи, действуя по принципу «разделяй и властвуй».

В-третьих, Рим не только притеснял, но и давал возможность выслужиться, например, в рядах аскари, которые вскоре стали своего рода визитной карточкой этой колонии, воевавшими под флагом Италии⁶. Вольно или невольно, они, приобщившись к итальянской культуре, воинскому уставу, становились посредниками между колонизаторами и африканцами и начинали гордиться своим знанием и новым положением⁷. Вдобавок военная служба объединяла формой, языком, жалованием, боевым опытом людей разных религий и этносов, вырывала их из прежних феодальных и племенных иерархий, давала шанс добиться успеха тем, у кого раньше его могло и не быть. Это укрепляло их верность колонизаторам.

В 1935 г., когда Муссолини готовился к новой захватнической войне с Эфиопией, он не только сосредоточил в Эритрее около 100 тыс. собственно итальянских военнослужащих, но и рекрутировал дополнительные туземные батальоны. Из 600 тыс. коренного населения в Эритрее под ружье встали 53 200 аскари в возрасте от 15 до 60 лет, не считая отправленных в другие колонии⁸, т. е. практически каждый шестой эритреец, был признан негодным к службе.

В ходе начавшейся в том же году войны к концу января 1936 г., по крайней мере, 1000 аскари, в основном из наспех сколоченных батальонов, которым не хватало слаженности местного сержантского и метропольного офицерского составов, перешли на сторону эфиопов. Еще 1000 на Северном фронте с февраля по март дезертировали, не вынеся пренебрежительного отношения колонизаторов к своим мертвым, когда итальянцев хоронили с положенными почестями, а тела африканцев сжигали огнеметом и закапывали в общих ямах⁹. Здесь приведены примерные данные, основанные только на итальянских документах, где из-за самоцензуры четко фиксировали только случаи дезертирства целых частей. Однако не вызывает сомнения то, что даже при таком отношении со стороны итальянцев эритрейцы в массе своей не только не восстали против них, но еще и вместе с ними на этот раз довели войну с эфиопами до победы.

Таким образом, можно заключить, что, в-четвертых, совершенная после битвы при Адуа расправа, вероятно, проложила глубокую борозду даже между этнически неотличимыми друг от друга людьми, углубленную полувековым раздельным существованием в Эфиопской империи и Итальянской Эритрее, а также крепкой военной закаской эритрейских аскари, через подразделения которых, не забыв об искалеченных в плену ветеранах, прошло большинство мужского населения.

Развитие хозяйства и возможность служить в колониальных войсках касаются и Ливии. Ведь туземные части были в каждой колонии, но в Ливии, во-первых, было еще и мощное повстанческое движение. Во-вторых, на июнь 1940 г., накануне

вступления Италии во Вторую мировую войну, в ней насчитывалось всего 28 500 ливийских бойцов под итальянским флагом¹⁰, тогда как в то время в ней проживали около 750 тыс. чел. без учета итальянцев против 53 200 на 600 тыс. в Эритрее.

Иными словами, эфиопская расправа с пленными сильно повлияла на местных жителей, сыграв свою роль в том, что за десятилетия существования колониального режима соседняя африканская страна в представлении многих эритрейцев стала дальше далекого Рима. Вместо мощного повстанческого движения против колонизаторов там появились особенно многочисленные и популярные у туземцев колониальные части. В сочетании с изначальной разнородностью населения земель, объединившихся только под итальянским владычеством, это сформировало у людей сильные антиэфиопские настроения, которые сохранились даже после прежней колониальной власти. Они проявились в 1941 г., когда британские войска за считанные месяцы нанесли поражение итальянцам и положили конец их колониальному владычеству в Восточной Африке. Однако несмотря на то, что власть в Эритрее перешла к британской военной администрации, эритрейцы заподозрили, что их могут присоединить к Эфиопии, и часть из них начала партизанскую войну под командованием уцелевших итальянских офицеров. Одним из них и был капитан Амедео Гийе (1909–2010), командир туземного кавалерийского дивизиона «Амхара» (итал. Gruppo Squadroni Amhara), который весной 1941 г. после падения Асмары, столицы колонии, решил не сдаваться и продолжить войну на Африканском Роге, чтобы британцам было сложнее перебрасывать силы в Ливию. Около сотни его эритрейских всадников присоединились к нему. Как сам Амедео Гийе вспоминал потом услышанные слова, такое решение они приняли потому, что соглашались быть либо независимыми, либо под итальянским флагом, но никогда – под эфиопским¹¹.

В течение 8 месяцев А. Гийе сохранил за собой появившееся еще до 1941 г. прозвище «командир Черт» (итал. Comandante Diavolo, в арабском оригинале – каид эль-Шайтан). Так его называли подчиненные за невероятную удачливость, которую они не могли объяснить иначе, как благосклонностью к капитану нечистой силы. Во главе своего партизанского отряда он совершал диверсии на железных дорогах, перерезал телеграфные провода, разорял военные склады, пока его бойцы не сказали ему, что их израненный, большой малярией командир уже не боеспособен и должен их покинуть, чтобы вылечиться.

А. Гийе, если верить его словам, не был фашистом. За годы командования не только эритрейскими, но и ливийскими подразделениями он в совершенстве выучил по крайней мере арабский язык, прекрасно знал обычаи, учение ислама, поэтому, имея еще и смуглую внешность, черные волосы, «растворился» среди местных жителей

под именем Ахмеда Абдаллы Аль-Редая. Британцы назначили за «командира Черта» награду в 1000 фунтов, но никто из эритрейцев его не выдал ни во время партизанских действий, ни позднее. После многих приключений ему удалось пересечь Красное море, оказаться в Йемене и добраться до родной страны, но только к подписанию перемирия между Италией и союзниками 3 сентября 1943 г.¹² А. Гийе надеялся, что сможет добиться от итальянского командования поддержки для своих соратников, но, разумеется, ему отказали.

Опасения эритрейцев были не напрасны. В 1952 г. по решению ООН их действительно объединили в федерацию с Эфиопией. Показательно, что народным героем, по официальной версии сделавшим первый выстрел и начавшим войну за независимость от Аддис-Абебы, стал опять же бывший аскари и командир партизанского отряда, воевавшего против британцев, Хамид Идрис Авате¹³. Он умер на следующий год, но война продолжалась еще почти 30 лет и закончилась победой Эритреи и признанием ее независимости. К тому времени почти никого из итальянцев в стране уже не осталось. Тех, кто не уехал сам, Рим эвакуировал еще в 70-е гг. Однако основанная ими политическая единица смогла не только жить без них, но и возродиться в виде независимого государства.

Когда президент Эритреи Исаяс Афеверки посетил Италию в 1999 г., его спросили, есть ли итальянец, с которым он хотел бы отдельно встретиться. На это эритреец, сам многоопытный повстанец, возглавлявший борьбу за независимость, сразу назвал имя Амедео Гийе¹⁴. Примечательно, что Афеверки родился только в 1946 г., уже после Второй мировой войны, но кто-то из соотечественников рассказал ему о «командире Черте». Итальянские дипломаты не были уверены в том, жив ли еще 90-летний ветеран, но оказалось, что жив. Он немедленно явился на встречу с президентом, который пригласил его в Эритрею. Это было крайне необычное приглашение с учетом того, что А. Гийе командовал не только эритрейскими, но и ливийскими частями. Однако Муаммар Каддафи, чей дед по отцу погиб в бою с итальянцами, никогда не приглашал его в Ливию. Это естественно с учетом обмена мнениями, произошедшего у Каддафи с Афеверки во время визита последнего в Ливию в 2004 г. Ливиец показал эритрейцу картину, изображавшую итальянцев и аскари, и обозвал вторых «рабами». Афеверки на это гордо ответил, что считает их добровольцами¹⁵.

В 2000 г. старого офицера, подполковника в отставке, торжественно принимали в президентском дворце Эритреи. Он тепло встретился с дожившими до того дня товарищами, с которыми не виделся почти 60 лет. Среди прочих чествований Амедео Гийе назвали «первым патриотом эритрейской независимости»¹⁶. Едва ли какого-либо колонизатора так называли в любой другой африканской стране.

В Эритрее не забыли и Бахту Хагоса и торжественно перезахоронили его останки в 2007 г.¹⁷ В XX в. Эритрея воевала за независимость против не европейской державы, а африканской, поэтому тех людей, которых в другой стране посчитали бы предателями и рабами, а их европейских командиров – захватчиками и угнетателями, как в Ливии, в Эритрее почитают как борцов за независимость и патриотов вместе с их командирами.

Итальянцы не оставляли без внимания расправу 1896 г. в работе с местным населением. Даже спустя 40 лет, во время новой итало-эфиопской войны, публиковались фотографии уже старых ветеранов, показывавших на камеру свои культы¹⁸. Также неоспоримо, что Рим помог инвалидам, т. е. проявил себя гуманнее Аддис-Абебы. Агитация колонизаторов, направленная на напоминание о случившемся, учет местных особенностей, а также ускоренное развитие Эритреи при итальянском владычестве изменили с точностью до наоборот отношение многих жителей побережья Красного моря к тому, что сделали победители при Адуа. Несколько сотен вернувшихся искалеченных пленных и еще несколько также искалеченных, но пропавших без вести в небольшом краю, привели не к запугиванию уцелевших, на что, видимо, рассчитывал Менелик II, и обесчещиванию искалеченных, а к совершенно противоположному итогу – созданию наднациональной эритрейской общности.

Раздор Эфиопии и Эритреи во второй половине XX в. не стоит сводить только к этой трагедии, но она положила начало, оказав воздействие на историческую память. Едва ли «царь царей» думал, что, как ему казалось, заклеивив единоплеменных предателей позором, он нажил своей стране врагов, главным образом из-за которых их потомки, даже через поколения, будут ненавидеть не аскари, а Эфиопию, чтобы, спустя почти 100 лет, оставить ее без выхода к морю. Не исключено, что, обойдись он с пленными мягче, даже после полувека итальянской колонизации и формирования самосознания у ее жителей, включить Эритрею в состав империи было бы проще.

Примечания

- ¹ Sarcozy admits France abandoned Algerian loyalists // France 24. URL: https://www.france24.com/en/20120414-france-algeria-war-of-independence-harkis-apology-sarkozy?ns_campaign=editorial&ns_source=RSS_public&ns_mchannel=RSS&ns_fee=0&ns_linkname=20120414_france_algeria_war_of_independence_harkis (дата обращения: 09.06.2020).
- ² Skeletal Remains of Degiat Bahta Hagos Laid to Rest // Eritrea Profile. 2007. Vol. 14, № 1. URL: https://web.archive.org/web/20070312160915/http://www.shabait.com/upload/newspapers/Mar-07/eritrea_profile_10032007.pdf (дата обращения: 09.06.2020).
- ³ Rochat G. Le guerre italiane 1935–1943. Dall'impero d'Etiopia alla disfatta. Torino : Giulio Einaudi editores, 2005. P. 41.

- ⁴ Spina N. L'Angolo della storia. Giuliano Vanghetti e le mutilazioni degli ascari : quando compassione e sensibilita scatenarono l'ingegno // *Giornale italiano di Ortopedia e Traumatologia*. 2009. № 5. P. 171–172.
- ⁵ Silvestri D. Eritrea – Etiopia : una guerra “assurda” tra “fratelli” ? Pisa : Universita di Pisa, 2011. P. 116–117.
- ⁶ Del Boca A. Il colonialismo italiano tra miti, rimozioni, negazioni e inadempienze // *Italia contemporanea*. 1998. № 212. P. 597–598.
- ⁷ Silvestri D. Op. cit. P. 112.
- ⁸ Rochat G. Op. cit. P. 41, 43.
- ⁹ Ibid. P. 41.
- ¹⁰ Ibid. P. 294.
- ¹¹ Amedeo Guillet. La legenda del Comandante Diavolo (документальный фильм государственного телевидения Италии Rai Edu) // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e5h4Ln0Rz18> (дата обращения: 08.06.2020).
- ¹² Ibid.
- ¹³ In the Memory of Awate, the History Maker // Reconciliation. URL: https://web.archive.org/web/20081116003808/http://www.awate.com/artman/publish/article_75.shtml (дата обращения: 09.06.2020).
- ¹⁴ Back to Eritrea, 2000 // The Man on the White Horse. URL: <http://www.amedeoguillet.com/post-war/> (дата обращения: 09.06.2020).
- ¹⁵ Silvestri D. Op. cit. P. 114.
- ¹⁶ Amedeo Guillet. Op. cit.
- ¹⁷ Skeletal Remains of Degiat Bahta Hagos Laid to Rest. Op. cit.
- ¹⁸ Ascari mutilati del piede sinistro e della mano destra in seguito alla loro partecipazione alla guerra del 1896 in cui furono fatti prigionieri // Alinari. URL: <https://www.alinari.it/it/dettaglio/FVD-F-010016-0000> (дата обращения: 29.07.2020).

Поступила в редакцию 02.09.2020, после рецензирования 05.09.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 02.09.2020, revised 05.09.2020, accepted 05.11.2020